

Саберов Рушан Анвярович

ЖРЕЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ УДМУРТОВ В XX ВЕКЕ (К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ/УТРАТЫ)

В статье рассматривается вопрос о развитии жреческого института удмуртов в XX веке, акцентируется внимание на позитивном и негативном воздействии антирелигиозной пропаганды, на сохранении древних удмуртских верований и культовых практик. Автор обосновывает положение о том, что в годы советской власти институт служителей культа удмуртов претерпел определенную минимизацию. Тем не менее, он сохранился, начав активно возрождаться в постперестроечный период.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. I. С. 172-174. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

но и также на личностно-индивидуальном, посредством воспитания общегуманных качеств человека; сохранении и воссоздании многофункциональной эстетики провинции. Это является общим делом для всех тех, кто заинтересован судьбой российской культуры.

Список литературы

1. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 704 с.
2. Город как социокультурное явление исторического процесса / отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 1995. 351 с.
3. Жигунова Г. В. Социальные проблемы города: учебное пособие по дисциплине «Социальные проблемы города». Мурманск: МГТУ, 2009. 107 с.
4. Инюшкин Н. М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004. 440 с.
5. Костинский Г. Д. Идея пространственности в географии // Известия Академии наук. Серия «География». 1992. № 6. С. 37-38.
6. Социологические исследования Р. Парка и Э. Берджесса [Электронный ресурс] // Введение в науку социологии. URL: http://studme.org/131412195994/sotsiologiya/sotsiologicheskie_issledovaniya_parka_ (дата обращения: 10.04.2015).

SOCIAL-CULTURAL SPACE OF PROVINCIAL TOWN AS FORM OF CULTURE UNIVERSE EXISTENCE

Romanova Natal'ya Vasil'evna, Ph. D. in Culturology

Murom Institute (Branch) of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
nata-rom1974@yandex.ru

The article is devoted to the complex research of urban space. This problem is poorly studied and requires further research. The paper considers such scientific approaches to this phenomenon as cultural-semiotic, anthropological, sociological, landscape and environmental ones. Particular attention is paid to the study of the social-cultural space of province in terms of social-philosophical approach. In conclusion the problem of the cultural heritage preservation of provincial towns is revealed.

Key words and phrases: social-cultural space; provincial town; social-cultural determination; cultural heritage; urban space of province.

УДК 395.3

Исторические науки и археология

В статье рассматривается вопрос о развитии жреческого института удмуртов в XX веке, акцентируется внимание на позитивном и негативном воздействии антирелигиозной пропаганды, на сохранении древних удмуртских верований и культовых практик. Автор обосновывает положение о том, что в годы советской власти институт служителей культа удмуртов претерпел определенную минимизацию. Тем не менее, он сохранился, начав активно возрождаться в постперестроечный период.

Ключевые слова и фразы: финно-угры; удмурты; язычество; жречество; XX век.

Саберов Рушан Анвярович

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
saberow@yandex.ru

ЖРЕЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ УДМУРТОВ В XX ВЕКЕ (К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ/УТРАТЫ)®

Территорию Среднего Поволжья и Предуралья традиционно населяют финно-угорские этносы, одним из которых являются удмурты (вотяки). В конце XX века в процессе духовного поиска часть представителей данного народа обратилась к автохтонной религии. Практика совершения традиционных молений продолжается и в настоящее время. Руководителями отправляемого культа являются священнослужители, выступающие в религиозной иерархии своего рода духовными проводниками и наставниками верующих.

В связи с приведенными фактами актуальным представляется рассмотрение в исторической ретроспективе ключевых элементов института жречества удмуртов (иерархия, функционал).

Изучение жречества удмуртов в отечественной науке берет свое начало еще в XVIII веке. В рамках рассматриваемого хронологического отрезка интерес представляют работы отечественных исследователей А. И. Емельянова, П. Н. Луппова, Н. Маторина, В. Е. Владыкина [3-7].

Указанные выше авторы, исследуя удмуртский языческий «клир», фиксируют: «торо» (лицо выступающее председателем на молении – Р. С.), «восясь» (жрец – Р. С.), вспомогательный жреческий «персонал» – «парчась» (помощник, отвечающий за умерщвление жертвенного животного – Р. С.) и др. [4, с. 104-106; 6, с. 10]. Исследователи сходятся во мнении об открытой выборности духовных лиц.

Несмотря на антирелигиозную политику, активно проводимую советской властью, языческие моления удмуртов в данном периоде не прекращались. Описывая общественное моление удмуртов в Сарапульском уезде

Пермской губернии (в настоящее время Сарапульский район республики Удмуртия), происходившее, по видимому, в 1920/1921 году, исследователь А. И. Емельянов отмечает выборность служителей культа, четко фиксирует сам процесс избрания семи жрецов, который происходил при помощи жребия («тамги») [5, с. 106-107]. Важно отметить, что описание рассматриваемого процесса в разные годы (1906-1921 гг.) полностью совпадают. Идентичен порядок действий, структура института служителей культа, их функционал. Это может свидетельствовать об автохтонности традиции выбора «духовных лиц», проводящих общественное моление.

На удмуртском молении, проходившем в 1921 г. на «Петров день», общее количество священнослужителей, отмеченное П. Н. Лупповым, равно четырем [2, с. 30; 6, с. 10]. Из них первый – «главный поп (восяськысь)», а остальные три – «помощники (восясь-тыр, шедпостысь)» [6, с. 10]. Главного жреца избирает «ворожец» – «туно», эту особенность отмечали и предшественники Н. П. Луппова, например, И. Васильев [2, с. 30]. Заслуживает внимания возраст жреца – 20 лет. Обычно обязанности служителя культа исполняли пожилые лица, пользующиеся особым уважением в обществе. Вероятно, объяснение этого «возрастного казуса» кроется в процессе выбора жреца, важную роль в котором, как было отмечено ранее, играет «ворожец». Помощники жреца также принимали активное участие в отправлении культа, в частности освящали требы [6, с. 10].

Исследователь Н. Маторин фиксирует сохранность института «духовных лиц» применительно к своему времени [7, с. 56-57]. Примечательно, что исследователь в своей работе использует в качестве наглядно-иллюстративного материала схемы марийского и вотского молений лета 1927 года, указывая на них места расположения служителей культа во время отправления обряда. Данный факт может свидетельствовать о сохранении жреческой традиции вплоть до первой четверти XX столетия.

Моления не прекращались даже в условиях коллективизации. Следовательно, жреческое «сословие» также не теряло своей значимости. Примером этому может служить статья автора, по всей видимости, пожелавшего остаться неизвестным – П. И. Удмурта, – в научно-методическом журнале «Антирелигиозник» 1932 года. Оценивая «связь кулачества с традиционными верованиями удмуртов», автор статьи отмечает: «Кулачество совместно с представителями культа (жрецами) ведет среди населения антиколхозную агитацию под покровом религии» [10, с. 43]. Удмурт указывает на стремление жрецов сохранить «культовые обряды». Привлекают внимание примеры, приводимые автором статьи в качестве иллюстрации сохранности языческих пережитков. В частности, он отмечает ряд молений, которые проводились летом 1931 г., причем число участвующих в отправлении культа колеблется от одного поселения до ряда деревень [Там же]. Автор не обошел стороной и деятельность совета старейшин «кенеш» (сход), который упоминается еще в работах XIX в. [8, с. 12]. Однако Удмурт характеризует деятельность данного религиозного института как «контрреволюционной конспиративной организации... являющейся агентурой кулачества» [10, с. 43].

Некоторые исследователи традиционных верований удмуртов отмечают, что целостное обрядовое действо сохранялось вплоть до 30-х годов XX в. Существенное «пагубное воздействие» на религиозную практику оказали коллективизация и последовавшая за ней Великая Отечественная война. Примером тому могут послужить опубликованные архивные материалы, посвященные борьбе с «религиозными пережитками» в республике Башкортостан. В одном из документов 1930-х годов, отражающих распоряжения, спускаемые «сверху – вниз» (от заместителя председателя БашЦИК Х. Кильметьева в райисполком Калтасинского и Мишкинского района), указывается на урон, наносимый сельскому хозяйству в результате совершения вотяками и марийцами жертвоприношений, вследствие чего рекомендуется «...усилить разъяснительную работу о гибельности таких жертвоприношений в сельском хозяйстве...» [9, с. 208].

Однако, несмотря на эти меры, культовая практика не прекращалась. Так, в периодической печати за 1937 год появилась обличительная статья, автор которой остался неизвестен, направленная против совершения жертвоприношения руководящим составом ряда колхозов: «В колхозе “Энгельс” 7-9 октября проводят религиозный праздник курьськон. Председатель колхоза Мухаяров и его заместитель Гизатов, он же член сельсовета, показывая пример колхозникам, так же проводят религиозный праздник... Необходимо, чтобы РайЗО, рассмотрев их преступление, приняло необходимые меры» [Там же, с. 208-209].

Приведенные факты подтверждают сохранность жреческого института в первой половине XX века, поскольку совершение общественных жертвоприношений без их участия не представлялось возможным.

Иная ситуация складывалась во второй половине рассматриваемого хронологического отрезка – 1950-1990-е годы. Исследователи, основываясь на полевых материалах, отмечают усиление здесь кризисных явлений в существовании жреческого института.

В отношении удмуртских служителей культа Р. Р. Садиков приводит сведения респондентов, которые сообщают, что традиция проведения общественных молений имела место как в 60-е, так и 70-80-е годы XX в. [Там же, с. 209]. Другие исследователи обрывают ее на середине 1960-х годов. По всей видимости, это связано с борьбой местных властей с «религиозными пережитками» удмуртов. Особенностью культовых практик стала их скрытность, малочисленность участников жертвоприношений. Р. Р. Садиков отмечает, что «духовные лица» подвергались преследованию со стороны властей, вследствие чего «многие из них прекращали исполнять свои обязанности» [Там же]. Примечательно, что процесс упадка наблюдался и в среде марийского жречества, что, по замечанию А. Ф. Ярыгина, проявилось, в частности, в распаде института картов, в отсутствии его пополнения [11, с. 64].

И тем не менее, В. Е. Владыкину и Х. Х. Сарву еще в 1980 г. удалось зафиксировать удмуртское моление на Петров день (12 августа) в «луде» (священной роще) деревни Кузбаево Алнашского района Удмуртской АССР [3, с. 147-151]. Моление проводили четыре лица мужского пола, среди них «старший жрец бадзым восясь, следящий за чистотой ужиськысь, тор (скорее всего староста общины, раньше определяемый по наследству, позже выбираемый) и посудомойщик тусьтыны-пуньы миськысь» [Там же, с. 147]. К сожалению, нет

возможности установить лицо, которое непосредственно «режет» жертву, так как исследователи ограничились лишь замечанием: «Потом барану разрезают кожу...» [Там же]. В работах предшествующих столетий эту функцию чаще всего исполнял выборный «парчась». Обрядовое облачение жрецов подчеркивает внутреннюю дифференциацию, ключевым элементом является пояс. Старший жрец одевал традиционный красно-полосатый мужской пояс-путо, а остальные – белые пояса [Там же].

В. Е. Владыкин и Х. Х. Сарв отмечают также, что кроме вышеописанного жертвоприношения каждые три года проводились родовые общинные моления. В частности, В. В. Владыкину удалось пронаблюдать подобную культовую практику в 1983 г. в деревне Кузебаево Алнашского района Удмуртской АССР. Как и в предыдущем описании, автор начинает повествование с указания служителей культа: «быдзим торо (большой торо) во время моления сидит на почетном месте, не вмешиваясь в действия, восясь, курискись (старший жрец), парчась (те, кто приносят жертву, точнее разделявают жертвенное животное; 2 чел.), нянь-тормач (тот, кто нарезает хлеб), юрттисьёс (2-3 помощника)» [Там же, с. 150]. Всего в состав «рабочей группы» по отправлению культа входили семь человек. Подобная фиксация результатов исследований характерна как для дореволюционной эпохи, так и после (для первой четверти XX века) [2, с. 17; 5, с. 106-107].

Тем не менее, некоторые ученые высказывали опасения, связанные с упадком религиозных традиций удмуртов, случившимся в 80-е – начале 90-х годов XX в. К примеру, Р. Р. Садиков связывает этот упадок со смертью организаторов культа – «восясей», в связи с чем прекращалась практика общественных молений [9, с. 209]. В качестве примера исследователь описывает случай из жизни деревни Касиярово Бураевского района Башкирской АССР, где еще в начале XX в. проводилось примерно 5-6 молений, а к началу 1990-х гг. культовая практика сошла на нет [Там же, с. 210]. Отметим, что подобные тенденции были характерны и для других представителей финно-угорской группы, в частности, марийцев [11, с. 64]. Внимание здесь привлекает и еще один момент – вынужденная трансформация жреческой традиции удмуртов. В связи с уходом из жизни «кереметь утисья» (хранителя «керемети» – священной рощи, места), моления, проводимые в «керемети», стал проводить «бадзым восясь» Нуриев Темиргали [9, с. 210]. Подобное совмещение обязанностей в руках одного и того же «духовного лица» не характерно для религиозной удмуртской традиции [1].

Таким образом, в советский период, несмотря на борьбу с религиозными пережитками, традиционные верования финно-угров в целом не утратили свою значимость. Характеризуя развитие жреческого института рассматриваемого этноса в XX столетии, можно отметить его определенную устойчивость. Несмотря на происшедшую в советские времена минимизацию и вынужденные модернизации, институт служителей культа сумел, тем не менее, сохраниться, начав активно возрождаться в постперестроечный период, хотя и в несколько измененном виде. Среди важнейших современных тенденций динамики его развития можно отметить процесс иерархических построений в системе финно-угорского «клира», фиксируемых как исследователями, так и адептами традиционной религии, и происходящую универсализацию устной молитвенной традиции.

Список литературы

1. Блинов Н. Языческий культ вотяков: монография. Вятка: Вятская губернская типография, 1898. 103 с.
2. Васильев И. Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губернии. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1906. 88 с.
3. Владыкин В. Е. О себе и других, о народах и Человеках, и... Ижевск: Удмуртия, 2003. 400 с.
4. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 383 с.
5. Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков. Казань: Издание Казанского Вотского издательского подотдела, 1921. Вып. 3. Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. 156 с.
6. Луппов П. Н. Из наблюдений над бытом удмуртов Варзятчинского края, Вотской автономной области. Ижевск: Удкнига, 1927. 34 с.
7. Маторин Н. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь: монография. М.: Безбожник, 1929. 176 с.
8. Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз П. Идоложертвенный ритуал древних вотяков по его следам в рассказах стариков и в современных обрядах. Вятка: Издание Вятского губернского статистического комитета; Губернская тип., 1888. 139 с.
9. Садиков Р. Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа: Центр этнологических исследований УНЦ РАН, 2008. 232 с.
10. Удмурт П. И. О религиозных пережитках среди удмуртов // Антирелигиозник. 1932. № 4 (10). С. 42-43.
11. Ярыгин А. Ф. Современные проявления дохристианских верований марийцев. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1976. 76 с.

PRIESTLY INSTITUTION OF THE UDMURTS IN THE XX CENTURY (ON THE PROBLEM OF PRESERVATION/LOSS)

Saberov Rushan Anvyarovich

*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
saberow@yandex.ru*

The article considers the issue of the development of the priestly institution of the Udmurts in the XX century, and pays attention to the positive and negative effects of anti-religious propaganda, to the preservation of the ancient Udmurt beliefs and religious practices. The author substantiates the thesis that during the Soviet era the institution of the Udmurts' clergy underwent certain minimization. However, it survived and began to revive actively in the post-perestroika period.

Key words and phrases: the Finno-Ugric people; the Udmurts; paganism; priesthood; the XX century.